

Лариса Кулижнова

*короткие рассказы из частной жизни
от 70-х до 90-х*

ВСТРЕЧАЯ НОВЫЙ ГОД

Девятиэтажное студенческое общежитие. Очень холодно. Встречаю свой второй Новый год в Томске. Теперь я не одна, студенткой этого же вуза стала и моя двоюродная сестра. Её комната находится на втором этаже, где расположились будущие физики, а моя на четвёртом – биологическом. Новый год будем встречать вместе. Сестра даже сшила для меня вручную новое платье – из зелёного шёлка, с открытым плечом. Надеть его не получится из-за холода.

Леночке передали из дома сырую утку, и она хочет запечь её с черносливом. Это очень непросто, так как духовка на общей кухне еле греет, а отойти ни на минутку нельзя, иначе утку умыкнут вечно голодные студенты. Внизу в холле играет музыка, начались танцы. Очень хочется есть, поэтому сидим и ждём. Утка почти готова, больше ждать невмочь, и Лена режет её на кусочки, которые исчезают в наших голодных ртах быстрее, чем она режет. Да, для того чтобы одной уткой могли напиться семь человек, ей следовало уродиться размером со страуса.

Нам всё так же голодно, холодно, но мы танцуем. Крутим в комнате пластинку с мелодиями Поля Мориа. Лена танцует лучше всех в облегающем фигуру чёрном платье с позолотой по горловине, доставшемся ей по наследству от мамы. Бесконечно грустно. Идёт отсчёт времени, ставятся вехи событий. Год ушёл, но не сбылись надежды, что-то очень важное, возможно, самое главное так и не случилось. Трудно понять, в чём состоит это главное, просто токует сердце.

Огромные чёрные глаза моей сестрёнки горят призывом, она проговаривает по памяти «Порог» И. Тургенева и сама полна решимости шагнуть за эту дверь, ведущую в неизвестность, в рай или в бездну, а я восхищена её порывом, готовностью на поступок.

За окном сыплет снег, и ветер проникает во все щели. Обыкновенная зима. Обыкновенный Новый год. И грусть тоже обыкновенная.

КОГДА ТОПОЛИ ЦВЕЛИ

Они шли по улицам старого города, разморённого дневной жарой, опустившейся теперь с крыш на стены домов, и медленно сползающей оттуда на серую ленту асфальта. Солнце уже не било в глаза, а нежно подсвечивало лоснящуюся зелень огромных тополей. Величественные деревья тянулись бесконечными рядами вдоль главной улицы города. Она пыталась поймать пушинки с обильно пыливших тополей на свою ладонь, но они не давались,

образуя круговорот вокруг ладони. Тогда она стала ловить пушинки ртом, задрала голову вверх. Он засмеялся и тоже стал ловить снежинки-пушинки губами. Два молодых сердца в огромном, залитым предзакатным солнцем городе радостно бились друг для друга, не замечая никого вокруг. Шли, иногда шутливо подталкивая друг друга, потом бежали, временами останавливаясь, чтобы посмотреть друг другу в глаза, и снова бежали, взявшись за руки. Улица была бесконечной, и время было бесконечным.

– О какой жизни ты мечтаешь, когда кончится учёба? – спросила она.

– Не знаю. Хочу, чтобы во всём был порядок, как в армии. Мне там нравилось, когда служил. А ты?

– Тоже не знаю, какой будет она, будущая моя жизнь. Но так хочется, чтобы в ней было огромное, как море, поле диких трав и цветов, и домик в конце этого поля, у кромки леса. Мой домик. Наш домик. Пусть будут пчёлы и птицы, и синее небо, и мы среди них.

– А пошли купаться!

– Пошли!

Высокий берег Томи, очень крутой, и видно с него далеко-далеко вперёд. Земля ещё тёплая, и мокрые тела нисколько не зябнут после купания. За широкой рекой видна ещё одна речка - как чёрная полоса среди трав, и туда опускается солнце.

– Ты не боишься меня?

– Нисколько, а что?

– Мы могли бы вместе пойти в поход, я недавно ходил с ребятами, тебя не рискнул позвать, думал, что откажешься. Теперь жалею, ведь скоро разъежаться.

– Да, совсем скоро. Всего неделя осталась. Я бы пошла с тобой, я тебе доверяю. Верить ли, воды боюсь и плавать почти не умею, а с тобой плыву, и всё получается! Пошли в воду!

А прежде была записка на её имя, она лежала белым листком без конверта в ячейке на букву «Е», на подвесной полочке на вахте их общежития. В записке было несколько слов: «Приходи в «Октябрь» в 7:30, буду ждать». Без подписи.

Шла и боялась: вдруг розыгрыш?

У входа стоял он, брат моей однокурсницы.

– Привет, это я! – и протянул руку.

– Привет! Не ожидала. По-другому не мог пригласить, когда виделись в общаге?

– Нет, побоялся, вдруг откажешь. Скажешь, что это несерьёзно, что я смешной.

– Да ты и так смешной!

– И ты смешная, и мне это сразу понравилось! Пойдём скорей, фильм начинается!

А потом был самолёт с откатывающимся от него трапом, что отрезает дорогу назад. Она будет ждать писем, а их не будет. Из гордости не напишет первой, а через год узнает, что писем было много, и они все сгорали в её почтовом ящике по шалости школьников, идущих в их подъезд в библиотеку. В этом доме редко кто получал письма, и только в одном из ящиков белел конверт.

Когда она возвращалась с работы, ящик был уже пуст, а на пепел на полу грязного подъезда уже давно никто не обращал внимания.

Но большое поле с цветами и домик у кромки леса всё-таки пришли через много лет в её жизнь. А как сложилась жизнь у него, кто знает?

МЫ ВСЕ – ДЕТИ СОЛНЦА

Мы – вчерашние абитуриенты, а теперь студенты-почвоведы, начинаем устраивать свой быт в студенческом общежитии. Пустая комната с четырьмя железными кроватями на пятерых, таким же количеством прикроватных тумбочек и узких шкафчиков-октантов для верхней одежды, наполняется человеческим теплом, голосами и скарбом. Обращаюсь к рыжей девчужке, самой активной из нас.

– Ты откуда?

– С Кузбасса.

– Так это месторождение, а не город.

– Я из Белово, это шахтёрский городок. Меня Ася зовут.

Маленького роста, голова в мелких кудряшках, огромные очки. Голос почти кукольный.

– Девчонки, – с энтузиазмом говорит она, – а давайте, всё сделаем общим, объединим! У кого что есть, пусть всё будет общим! Кроме одежды, конечно. Вытаскиваем всё из чемоданов и кладём в одно место, для всех! И питаться будем вместе, в складчину, согласны?

Наташа поджала губы:

– А я не хочу складываться, и питаться вместе не хочу. Если мне захочется сварить себе одно яйцо в кружке, я его что, на всех делить должна? Я лучше в другую комнату жить пойду.

Вместо Наташи теперь будет Галя, и вот Ира рисует на стене, прямо над Асиной кроватью, огромный пятицветник по числу проживающих, раскрашивает лепестки цветными мелками, а сверху пишет по-французски наш девиз: *Nous sommes les enfants du soleil*. (Мы все – дети солнца).

Четыре кровати и раскладушка, и пятеро девчонок из разных концов страны. Так начинается наша новая, совместная жизнь. На первом месте – учёба, на втором – общение, на третьем – быт. Тщательно записываем лекции в толстые общие тетради, а некоторые умудряются тут же и красным карандашом выделить главное, смотрим в оба глаза, слушаем в оба уха, впитываем знания. После занятий бежим в научку, обкладываемся книгами и продолжаем впитывать. Организм начинает сопротивляться, и часто хочется спать, ещё чаще хочется есть.

Быт, как назло, отвлекает и требует нашего участия. Не горят лампочки в комнате – пишем заявку коменданту, но пока не поругаешься, никто не придёт. Со времён чужой абитуры дыра в оконном стекле заткнута подушкой, а стекла у коменданта нет. По ночам одолевают клопы. Паникуем, а старшекурсники смеются: обычная жизнь. Днём общежитский корпус отдыхает, студенты на занятиях, и только вахтёр дремлет в своём кресле у входа. Вечером всё

гудит: студенты спуют по коридорам, надо взять у кого-то учебник или тетрадь с нужными лекциями, кому-то вернуть занятый до стипендии рубль, а кто-то надеется угадать на перекус у тех сокурсников, у которых сегодня есть что поставить на стол. В субботний вечер, когда внизу в фойе устраиваются танцы, шума и суеты значительно больше. На Южной остановке стоят четыре студенческие девятиэтажки, и из каждой в субботний вечер несётся музыка, везде танцы. Наши университетские девчонки бегут в одних лёгких платьях по морозу к тиасуровским ребятам, на их танцы. Иногда и их ребята заглядывают к нам, ведь у нас девчонок больше.

На нашем биологическом факультете существует с незапамятных времён эстрадный театр улыбки и смеха «ЭСТУС», свои новинки они показывают и в нашем общежитии, прямо в фойе. Это умопомрачительно! Не зря эту идею студенческих театров эстрадных миниатюр подхватили и другие вузы Томска, и стали проводиться фестивали СТЭМов.

Нам хочется везде успеть, всё посмотреть, узнать, самим поучаствовать. Ребята с физтеха стали вести клуб зарубежной музыки. Никуда идти не надо, прямо в Ленинской комнате нашей общаги. Теперь мы слушаем Pink Floyd, Led Zepplin, Queen и многое другое здесь, а перед прослушиванием нам рассказывают историю этих ансамблей и исполнителей.

А ещё при университете есть клуб спелеологии, и наша Ира записалась туда, а я пошла на библиотековедение при университетском ФОПе (факультет общественных профессий) и теперь имею доступ в фонды нашей научной библиотеки. Не пропускаем мы ни одной премьеры в театре драмы, ни вечеров в клубе авторской песни при Политехническом, да всего и не перечислишь.

А через три года в нашей комнате появится Витя. Был конец зимы. Он сидел с загипсованной ногой на холодном подоконнике напротив мужского туалета на нашем этаже и грустно смотрел на спующих по коридору студентов. Никому не было до него дела. Никому, кроме Аси. Ей органически нужно было всё знать, всё видеть и слышать, во всём принимать участие. Ася подошла к Вите и заговорила с ним. Потом она стала навещать его, больного, на шестом этаже общаги, где жили физтеховцы. Когда Вите сняли гипс, он стал навещать Асю на нашем четвёртом этаже. Оба небольшого роста, со смешинкой в глазах и наивной готовностью во всём участвовать, – нам всем казалось, что тут непременно будет союз сердец.

Приближалось время защиты дипломов. После него мы отправимся в самостоятельное плавание, в большую жизнь, и никогда больше не увидимся. Начало лета. Голова кружится от ощущения близкой свободы. Вот уже и защита позади. Витя скупил все пионы в городе, и мы охапками носим их из раскрытых внизу дверей такси наверх, в свою комнату на четвёртом этаже. И вот вся комната в бело-розовой цветочной пене, и удивительно, что это – для всех! Так, как всегда хотела Ася: всё для всех!купаемся в волнах радости. Едим жареную картошку из общей сковородки, и пьём болгарское «Прибрежное» из стаканов, в которых плавают наши университетские значки-ромбики.

А завтра наша Люда зайдёт в комнату в новом голубом костюме и скажет, что они с Витей расписались в загсе. Ася убежит куда-то плакать, а мы будем недоуменно молчать. Никто не видел, чтобы Люда и Витя уединились, о чём-

то беседовали вдвоём, хоть как-то проявляли взаимную симпатию. В каких скрытых недрах всё это зрело? Или не зрело вовсе, а было сказано наобум: «Давай распишемся завтра?». И она ответила: «Давай!». От Вити можно было ожидать и такое. И от Аси можно было бы. От тихушницы Люды – никогда.

Через три дня я улетала домой. И Витя провожал меня – он всем помогал. Решил помочь и мне. Вместе доехали до аэропорта на такси, потом вместе ждали мой рейс, и он повёл меня в ресторан. Подошла официантка: «Что закажете?». Изучаю меню. Наткнулась на картофельные зразы, никогда не ела такого, говорю: «Это».

«Это?! Это же заказное блюдо, а вы говорили, что спешите!» – и смотрит на Витю возмущённо, а он только смеётся в рыжие усы. В итоге взяли по котлете с картофельным гарниром.

Витя нёс мой чемодан до самого трапа, и никто не прогнал его с лётного поля. Странно, но я улетала счастливая – Витя поделился со мной своим счастьем. Просто так. От избытка. Чтобы – для всех. Люда была моей подругой, но не отвечала на мои письма. Витя прислал как-то подробное письмо, в него было вложено его фото на летней рыбалке.

Через тридцать лет появились социальные сети, и я узнала, что у Люды и Вити родилась дочь, и что Витя умер, не дотянув до пятидесяти. Люда замуж больше не выходила. Дочь её замужем. Ася тоже замужем. Мы все дети одного солнца.

В МАГАЗИНЕ

За окном неровно пульсировала жизнь начала 90-х. Вдруг обнаружилось, что лидеры власти могут говорить с трибуны без бумажек, своими словами. Это радовало: научились. Только слова их расходились с делами. Всё самое необходимое: продукты, одежду, бытовую технику надо было доставать, то есть добывать с трудом, правдами и неправдами. Не говорили между собой: «купил», говорили: «сумел достать». Товары не выкладывали на прилавок, а выкидывали. Говорили: «выкинули дефицит».

Только-только отменили талоны на продукты и промышленные товары, после чего цены стремительно взлетели вверх. И при этом всё равно в магазинах прилавки были полупустыми. Альтернативой на время стали дорогостоящие кооперативные магазинчики с ограниченным ассортиментом и сомнительным качеством продукции, но туда мало кто ходил. И вот в эти годы в свой обеденный перерыв я отправилась в ближайший к месту работы продуктовый магазин. Стояла зима, которая в этих краях всегда жёсткая, с обычными температурами под минус сорок. В этот раз в магазине «выкинули» в огромной тележке перед кассой клубничный джем в полулитровых банках. Началась схватка, мне кто-то оцарапал руку. Подняв глаза, я увидела пожилого работника нашей Горной экспедиции, в лаборатории которой я работала химиком-аналитиком. Он опустил глаза и засеменял кассе, будто не узнав. Встала в очередь и я. Вдруг раздались крики и шум на кассе. Я вышла из очереди посмотреть, что случилось. Перед кассой стояла тихая бабушка в зимней

шубе, голова её была облита сметаной. Рядом стоял её маленький внук, примерно четырёх-пяти лет. Кассир кричала: «Иди отсюда, воровка, неповадно будет в следующий раз воровать!». Очередь никак не реагировала на произошедшее.

Выйдя из магазина, я направилась снова на работу. Увидела медленно идущую по улице бабушку с непокрытой головой, залитой сметаной. Шуба её была распахнута, шапку она держала в руках. Рядом шёл её маленький внук.

КАЛОШИ

Что касается меня, то я до случившихся в стране лихих 90-х сельского труда не знала, и калош сроду не носила. Работала в городе инженером-химиком, а тут пришлось всё бросить и уехать с семьёй на новые места. В девяностых годах трясло всю страну, а у коренных жителей республики, где я проживала с самого рождения, вдруг вспыхнул агрессивный национализм, начались беспорядки и разбой в городах и сёлах.

На новом месте поначалу нашлась работа только овощеводом в пригородном совхозе, зато сразу дали жильё. Четыре месяца я перебирала гнилой картофель в овощехранилище, а в начале мая была отправлена на посадку капусты. Этот труд с утра до вечера в поле, с двадцатиминутным перерывом на обед у борозды под палящим солнцем показался мне сущим адом. Монотонно и безостановочно двигался трактор, нарезаая посадочные борозды и проливая их водой. Требовалось через каждые полметра наклониться вниз до земли, опустить в бороздку саженец капусты и придавить его землёй. Сделать шаг вперёд и повторить то же самое, и так с утра и до вечера. Временами прибежала бригадир с линейкой, промеряла расстояния и покрывала женщин ласковым матом, если были несоответствия. И вот шеренга из десяти согнувшихся в три погибели женщин семенит по полю, разгибаясь только для того, чтобы взять очередной пучок рассады из ящиков, закреплённых на том же тракторе. Нельзя остановиться, споткнуться, нарушить интервал посадки. Деревенским женщинам этот труд привычен, и они умудряются ещё и переговариваться между собой, шутить. Я же шла на автомате: только бы не упасть, только бы не отстать, только бы дожить до вечера. И так в течение трёх дней.

Зато потом будет собрание совхозников в клубе по случаю завершения посевной. Посеяны зерновые на полях, посажены картофель и овощи. Награждались механизаторы, овощеводы, и вдруг с президиума звучит моё имя! Вручается премия в конверте, целых две тысячи! После собрания я иду в сельский магазин и покупаю новую пару калош, которые как раз стоят две тысячи рублей. А что? По деревенским меркам это самое нужное приобретение!

ВСПОМНИЛИ ПРО ХРАМЫ

В совхозе мы не задержались, хотя мне через год дали должность агронома, а мужу сразу по приезде была предложена должность заведующего ремонтны-

ми мастерскими (в республике он являлся главным механиком крупного завода). Вроде и обжились за два года в Красноярском крае, но судьба вела дальше. В Тольятти, на родину своего мужа, уехала старшая сестра с семьёй и позвала к себе. Надо опять начинать всё сначала. На дворе всё те же девяностые годы.

Серьёзно заболел муж. Врачи помочь не могут. Обратились к целителям: ещё хуже. Недалеко от нашей съёмной квартиры строится силами автозавода новый храм. В этом есть необходимость, храмы стали нужны растерявшимся людям. Для начала воздвигли часовню с крестильней, так как желающих принять крещение настолько много, что единственный в большом городе Казанский храм не справляется с нагрузкой. Направила свои стопы туда и я. Зашла в церковную лавку расспросить. Передо мной в очереди стоит богато одетая дама, спрашивает: «А льняное масло у вас есть? Нет? Жаль. А какую икону надо мне приобрести по моему знаку Зодиака?». Проталкивается молодая девушка без очереди: «У меня ребёнок заболел, что заказать надо? Как заболел? Кашляет. Нет, температура небольшая. Сорокоуст о здравии желательно? А сколько стоит? А обедня? Нет, я не буду ничего заказывать».

Вместе с нами в этот день крестились около двадцати человек, все взрослые. Нас поставили кругом у купели, так молодому батюшке было удобнее обходить людей для смачивания губкой рук и ног, и других открытых частей тела, а потом произвести миропомазание. Через несколько дней в эту часовню, где временно проходили службы, я пришла на причащение. Здесь было не протолкнуться: десятки бритых молодых людей в кожаных куртках и с большими иконами в руках образовывали плотную живую массу. Бабушки были оттиснуты к стенкам. В этом городе очень многие носили кожаные куртки, как некий знак достатка, пришла и общая молодёжная мода тех лет на стрижки «под ноль». На середину часовни вышел священник для принятия исповеди, и кожаная масса всколыхнулась, поднапёрла, нависла над священником. Я уже не надеялась, что смогу протиснуться каким-либо образом к батюшке, как напор толпы сам вынес меня туда. Измученный священник ничего не мог слышать в стоявшем здесь гуле, он еле держался на ногах. Я пыталась что-то сказать, о чём-то спросить, но всё тонуло в общем гуле, а толпа подпирала так, что я боялась упасть. Священник посмотрел на меня сочувственными глазами, и накинуд на мою голову епитрахиль.

Муж после крещения пошёл на поправку.

ПОИСКИ РАБОТЫ

Моя дочь и её подруга окончили отделение юрфака в местном колледже, и встал вопрос о трудоустройстве. Распределение – свободное, кто сам что найдёт. В это время продолжался обмен устаревших советских паспортов на российские, и очереди в паспортных столах стояли жуткие. В нашем ЖЭКе очередь начиналась ещё за входными дверями с улицы, потом тянулась живой плотной лентой через холл, и далее по лестнице на второй этаж к дверям заветного кабинета. Люди вновь стали писать номера на ладонях, чтобы не потеряться, когда ненадолго придётся отойти, ведь стоять приходилось с утра

до вечера. Подруги решили оказывать посреднические услуги при получении паспорта. В ЖЭКе пустовала комнатка на первом этаже, там они и обосновались. Договорились с работниками паспортного стола, что помогут в приёме заявлений на обмен, завели журналы для записи сведений, пригласили профессионального фотографа, который здесь же делал фото на паспорт. Сначала люди заходили к ним с опаской, а потом дело пошло бойко. Никакой маёты – передал сведения, сфотографировался, тебе назначили время для получения паспорта. Плата за услугу более чем приемлемая. Хорошая работа, и нужная людям. Через три месяца к девчонкам подошли строго-вежливые люди при должностях и закрыли их маленький бизнес.

Надо искать что-то другое. Дипломы есть, а работы нет. Знакомые ребята посоветовали закупать кожаные куртки в Москве и реализовывать их в Тольятти. Спрос на них в городе хороший, так что со сбытом проблем не будет. Только надо поехать в Москву и самим договориться о закупках. Подруга загорелась этой идеей. Она недавно закончила курсы вождения, и полагала, что может самостоятельно проехать тысячекилометровый путь (это только в одну сторону). Моя дочь пыталась отговорить подругу, побаиваясь дальнего пути, но в итоге поехала с ней. Дома сказала, что просто переночует у подруги, зная, что иначе её не отпустят. Взяли напрокат машину и выехали в ночь, предполагая, что можно переночевать в придорожном мотеле. Увидев таковой на трассе за Сызранью, остановились, но не успели выйти из машины, как к ним подошли двое парней. Настойчиво стали предлагать переночевать в другом мотеле, дорогу к которому они покажут. Вид их не внушал доверия, было боязно, и подруги изо всех сил пытались отвязаться от навязчивых парней, но те не отставали. Устав от безрезультатного диалога, подруга шепнула дочери: «Давай, не будем спорить и поедем за ними, а по пути оторвёмся».

Тронулись за машиной парней, тех было трое с водителем. На повороте подруга резко дала по газам и ринулась вперёд, но парни моментально развернулись и быстро догнали, подрезав. Пришлось остановиться. Поскорее заблокировали двери. Подошедшие парни достали пистолеты и стали стучать ими по окнам. Дочь заревела от страха. «Спокойно, – сказала подруга, – будем разговаривать». Пацаны громко возмущались, матерились, говорили, что просто хотели им показать мотель получше.

- Зачем тогда пистолеты?
- А зачем двери закрыли наглухо?
- Сейчас откроем.

Подруга чуть приспустила стекло на своём окне, извинилась.

- Ладно, поехали, – говорит, – больше шутить не будем.

Те согласились на условия, что теперь девчата едут первыми, а они за ними. Поехали. Сначала тихо и осторожно, но потом всё же подруга выбрала момент и опять дала по газам. Мчались на максимальной скорости, как сумасшедшие, выжимая все силы из старого «жигулёнка». Оторвались. Только выдохнули, ещё не веря своему счастью, как лопнуло колесо. Запаски нет. Пустая московская трасса. Весенняя холодная ночь, и наползают дождевые тучи. Время сотовых телефонов ещё не пришло, помощи просить не у кого. Ещё не спало нервное напряжение погоны, как снова удар судьбы, и у обеих враз прорва-

лись, обрушились слёзы. Сидели в холодной чужой машине среди бескрайней ночи и ревели навзрыд, не надеясь ни на что. Ещё не кончились все слёзы, как на их счастье вдруг выполз на трассу длинный автовоз, гружённый в два ряда новыми машинами «лада-жигули», сопровождаемый с двух сторон автомобилями охраны. Среди них оказались неравнодушные, колонна машин остановилась, люди помогли с колесом, а потом загнали машину девчат для безопасности в центр колонны. Все тронулись в путь, и днём подруги были уже в Москве. Сходили по подсказанным адресам, узнали условия закупок курток и важные детали сделок, обменялись телефонами, после чего тронулись в обратный путь. Он оказался не легче прежнего, так как вскоре вышел из строя аккумулятор, а денег на покупку нового не было. Машина встала. На руках дотолкали машину до пункта ГАИ, измазавшись в весенней грязи. Надеялись на помощь, но им отказали. Даже погреться у них в помещении не разрешили: не положено.

Снова холодная ночь. Пытались уснуть в машине, обмотавшись газетами, и жутко замёрзли, промучавшись без сна. Утром всё-таки гаишники подобрили и принесли им старый аккумулятор, снятый с разбитой машины. Переставили его и поехали, только теперь машина постоянно глохла, и ясно было, что на таком аккумуляторе далеко не уехать. Заметили в одном из сёл группу цыган, и пришла идея снять с себя всё золото: цепочки, колечки, серьги, и продать цыганам, чтобы на вырученные деньги купить аккумулятор. Только подошли к ним, стали торговаться, как появились двое мужчин и с ходу обрушились на цыган: «Вы чего девчонок разводите?! Чего пристали!». Цыганки загалдели: «Да они сами золото предлагают, спросите их!».

Так в очередной раз судьба улыбнулась нашим юным авантюристам. Эти люди не только осмотрели заглохшую машину, но и взяли её на буксир до ближайшего СТО. Там напоили девчат чаем, отогрели, машину подремонтировали. Дочь и подруга вернулись в Тольятти. Вскоре нашлась и работа в городе для них, пусть не совсем по специальности, но без рисков дальних поездок.

УКРАДЕННЫЙ АНГЕЛ

Временами мы с мужем ездили в Сибирь проведать его родителей. Отправились и этой зимой. Ехать предстояло долго, сначала на поезде больше двух суток от Самары до Красноярска, потом шесть часов на автобусе. В Красноярске проживала моя сослуживица по прежней работе, также покинувшая республику в начале 90-х. Мы решили проведать её. Нашли домик сослуживицы в частном секторе города и ужаснулись той нищете, которая теперь окружала подругу. Сели пить чай, но на стол, кроме кипятка и сахара, ей было нечего поставить. Конечно, у нас были прихвачены гостинцы для неё и детей, достали мы и остатки взятого в поездку провианта. Расспросив о жите-бытье, я отправилась в ближайший магазин закупить продукты. Набрал всего, что было по силам, загрузила в её пустой холодильник. Потом мы гуляли по Красноярску, попутно приглядывая на уличных лотках игрушки и сувениры. Город готовился к Новому году, всюду были ёлочные базары. Подруга ничего не по-

купала, но активно пересматривала товар, брала в руки, чтобы оценить, потом возвращала продавцу. В это время подходили и другие покупатели, продавец отвлекалась. Нагулявшись вдоволь, изрядно замёрзнув и купив нужные мелочи, мы сели в автобус, чтобы вернуться домой. Расплачиваясь за проезд, подруга не стала брать билеты, сказав кондуктору: нам не надо. Заметив моё удивление, объяснила, что зарплата у кондукторов очень маленькая, а на неиспользованных билетиках они экономят деньги для себя. А потом протянула мне маленького позолоченного ангелочка:

– Это тебе подарок на Новый год.

– Как? Откуда? У тебя же нет денег!

– Не переживай, я не покупала. Взяла его так, незаметно. Они, эти торговцы, всё равно обманывают людей, им эта пропажа ничего не будет стоить.

Вправе ли я осуждать её? Ей так хотелось отблагодарить меня, и она выбрала среди всех ярких игрушек именно этого ангела, подсознательно надеясь, что её Ангел-хранитель не запишет ей этот проступок как грех... Игрушечный ангел на ёлке теперь всегда напоминает мне эту давнюю историю.